

Он оставил потомкам первый отечественный исторический роман «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году». И еще 28 томов сочинений, волею судеб почти неизвестных уже не одному поколению россиян...

ВОТ какой однажды, в пору моего детства, вышел спор в нашем доме о нескольких вещах, которые дед достал из старого бюро. Спорили, посылая ли их в музей или оставить у себя. Особенно волновали сургучная и чернильная печатки, на которых был гравирован герб: односторонний орел над скрещенным оружием. Герб этот принадлежал Загоскиным. Последним из тех, кто прикладывал печатки к бумагам и сургучам на письма, был мой прадед, полковой командир, в 1915 году он погиб на германском фронте. Его дочь вскоре стала женой моего деда. Так загоскинские печатки появились в нашем доме. И с ними еще библиотеке, безвозвратно исчезнувшая с арестом деда в сороковом году...

И вот дед, кажется, прослышал что-то про музей Михайлы Николаевича Загоскина, знаменитого бабушкина предка. Будто бы открывали музей к 175-летию его рождения в Пензе или в Чембаре под Пензой. В Чембаре, теперь Белинском, дед и венчался с моей будущей бабушкой — как же было не послать экспонаты! Но отец мой не торопился с посылкой, говоря, что слух о музее еще не сам музей. Я же только посматривал на сложенные в гостиной вещицы и вслушивался в разговор о моем далеком предке.

Это был писатель, про которого нам ничего не рассказывали в школе. Между тем у нас дома в книжных шкафах стояли три тома из полного собрания сочинений Загоскина — крохи от конфискованной в сороковом библиотеки. А на страницах этих томов сияла фиолетовым светом гербовая печать Загоскиных. И я решил тогда на неожиданный поступок. Как только поутихли споры в гостиной и старинные вещицы были возвращены в бюро, я, выбрав удобный момент, залез туда и достал чернильную печатку, похожую на фигуру точеного шахматного короля с пыльным коронным, чтобы паде чувствовал, где верх печати. Найда чернилу, я пролил их на промокашку, макнул печатку и отпустил экзотический герб на своей школьной тетради, потом на всех учебниках, наконец, у себя на ладони. Не удовлетвовавшись проделанным, я спрятал печатку в шкатулку, в которой держал старые монеты. В бюро остались одна только сургучная печать и другие вещицы для музея. Они то и были отправлены в Пензу. А чернильная печатка по сей день хранится у меня...

Вспомнил я про эту посылку и споры вокруг нее недавно, когда собрался в Пензу на 200-

летие Михайлы Николаевича. Под Пензой, в старинном селе Рамзай, с давних пор были дом и усадьба Загоскиных. Там родился и там же сочинил свой первый труд будущий писатель — русский Вальтер Скотт, как называли его иногда за многочисленные исторические романы и особенно за «Юрия Милославского», выдержавшего еще при жизни автора целых восемь изданий. Я очень хотел увидеть в какой-нибудь витрине

расспрашивал про Загоскина и всячески одобрял сочинение. Гнедич не скрывал своих восторгов. Жуковский не спал всю ночь — читал... Но, правда, не годовал Булгарин, корпел над своим романом. Трудился тихо над своим Лажечников. Все они вроде как вразупки бежали, но Загоскин опередил. Булгарин так и остался ни с чем, а за свою брань с трех страниц монархической «Северной пчелы» даже попал под арест. Лажечников же взял реванш своим чудесным романом «Ледяной дом». Но это уже было потом, не в 1829-м.

А тогда героем литературно-

вроде городка из нескольких недавно совсем отстроенных за околицей кварталов. Здесь еще и деревья не успели прижиться, а старый Рамзай тонет в зелени, будто вышитый на старинном гобелене. Через все село протянут сторожевой вал. Один его край — к Пензе, другой — к Тамбову. Пять веков назад это была граница России. Где поопаснее, рубили острожки. Пришла беда — срубил и Рамзай, будущую вотчину Загоскина. Давний его предок вышел из орды и прозван был Загоской уже в новгородских пятинах. Верой и правдой служил Ивану Третьему. А потом из ко-

с директорством Загоскина. Ему же Загоскин поручает театральный класс — будущую школу Щепкина. Кроме наград и камергерства, Загоскин получает в театрах Москвы и Петербурга именное кресло пожизненно, но, правда, никогда ими не пользуется. Наконец, еще одно дело жизни — музейное. Укреплению и умножению богатств Оружейной палаты посвящает он свое последнее в жизни десятилетие...

А РАЗАЙ жил своей жизнью, уже далекою от планов его знаменитого уроженца. Последних Загоскиных видели

мах и про Рамзай, и про Загоскиных. Не один Михайла Николаевич (действительный член Российской академии), но и другие его сородичи послужили России. Братья Николай и Леонид строили Николаевскую железную дорогу — из Петербурга в Москву. Василий командовал Азовским полком и пал в бою. Марсел был уездным предводителем. Лаврентий Алексеевич — известный исследователь Аляски. Яков Васильевич был начальником Четвертого бастиона при обороне Севастополя и погиб там же. Его двоюродный брат Николай Павлович стал историком, профессором, его лекции слушал Володя Ульянов...

— Почему же один томик на все село? — спросил я.

— Так в магазинах Загоскина нет.

Как не догадываются наши издатели, что послать в родной уголок каждого писателя его новую книжку — их долг и обязанность? Ведь такого рода просветительство свято и ясно, как земной поклон. И опять вспомнилось: не пришло еще время...

В ПЕНЗЕ попытался я найти улицу Загоскина, про которую слышал от директора архива. Сорок лет назад отмерена ей ширина и длина. На правую сторону селились прорабы, по левую — шоферы. И сейчас так живут. Только тогда было на улице дворов восемьдесят, а нынче десятков, и начинается она с дома номер 11. Остальные же снесли, едва сто метров осталось от прежней улицы. В начале ее задворки Дома культуры, в конце — кирпичная стена ПТУ. А над прорабскими избами навис дом исполкома. Когда искал, зашел туда спросить про улицу, но ответа не нашел. А после оказалось, что окна кабинета, где спрашивал, выходят как раз на улицу Загоскина. Бабушка Максимова пошла в облсобес хлопотать о присылке пенсии. Спросив про адрес, ей сказали, что нет такого, что снесена вся улица. Ну снесена — точно. Не пришло еще время...

Я так и не нашел ни в Пензе, ни в бывшем Чембаре, ни в Рамзее сургучной фамильной печатки Загоскиных, парной с моей чернильной, ленинградской. Может, затерялась в кладовых. Все бывает. Только, уезжая из Пензы, я все больше и больше понимал и чувствовал, что именно там, на реке Суре, а не на Неве и Москве, память о Загоскине все-таки самая живая и самая милая моему сердцу.

М. БЕЛОУСОВ.

[Спец. корр. «Труда»].

ЛЕНИНГРАД — ПЕНЗА.

ТАЙНА ФАМИЛЬНОЙ ПЕЧАТКИ

Труды 200 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. Н. ЗАГОСКИНА
1799 - 1989 - 25 июля

тамошних, пензенских музеев — старого краеведческого или нового, только что освященного, литературного — хотя бы одну из тех вещей, что до поры скрывались в нашем домашнем бюро. Хотя, конечно, понимал, что не музей, а люди с их живой памятью наводят мосты между прошлым и будущим. И путь мой лежал в люди, а не за фамильной печаткой. Помнят о сочинителе, знают, читали «Юрия Милославского», или его же «Рославлева», или «Аскольдову могилу» — значит, жив Загоскин. Нет, так и суда нет...

И ВСЕ-ТАКИ больно было мне услышать в самый первый пензенский вечерок, будто бы время для большого разговора о Загоскине еще не пришло. Тем больнее, что сказал мне об этом не кто-нибудь, а профессор Иван Павлович Щелыкин, один из первых, если не первый, обратившийся к Загоскину, дабы отдать должное открывателю русского исторического романа, незаслуженно забытому и чуть ли не зачисленному на кладбище литературы.

Как тут не припомнить 1829 год и выход в свет «Юрия Милославского», встревожившего весь литературный мир. Пушкин восхищался прочитанным и поспешил с рецензией: «Загоскин точно переносит нас в 1612 год. Добрый наш народ, бояре, козачи, монахи, буйные шиши — все это угадано, все это действует, чувствует, как должно действовать, чувствовать в смутные времена Минина и Авраамия Палицына. Как живы, как замечательны сцены старинной русской жизни!» Крылов

го крута был, без сомнения, Загоскин, известный и прежде своими пьесами. Читали его и стар, и млад, и всякое сословие. Через несколько лет Белинский назвал «Юрия Милославского» первым хорошим русским романом. А по прошествии еще некоторого времени вдруг разом смешал Загоскина с «литературной чернью», раскритиковав от корки до корки. И волею судеб именно этот всплеск революционных отрицаний «книжников Виссариона» был взят вроде как эталоном на все времена. Так что с «легкой» руки Белинского Загоскин и по сей день еще ходит в «квасных патриотах», реакционерах и прочее. С таким ярлыком не стоило трудов выпихнуть его не только из планов издательства, школьных и институтских классов, но и из русской литературы тоже. И как непросто, оказывается, даже нынче, в 200-летний юбилей, вернуть это имя литературному древу и делу России. Оттого-то и сказал в сердцах Щелыкин, что разговор о Загоскине еще впереди.

Кстати, Белинский за год до смерти вернулся к своим прежним суждениям о романисте. Он подтвердил, что Загоскин сделал первую попытку заставить в русском романе говорить и действовать русских людей по-русски. И что по влиянию на свою эпоху такие труды стоят многих художественных произведений. Увы, факт этого признания «выпал» из поля внимания его потомков...

СЕЛО Рамзай со свороченными главами трех церквей уже на село не похоже. Это

лена в колено служили государям его отпрыски. И настал день, когда волею двух Романовых — Иоанна и Петра, будущего Великого, Петров stolник Дмитрий Федорович Загоскин, прапрапрадед писателя, «за службы предков отца его и его которые службы, и ратоборства, и храбрость, и мужественное ополчение, и крови, и смерти» вышел в основатели дворянского рода.

В Пензе, в архиве, где хранится дело о дворянстве Загоскиных, я перечитывал эту родословную. Ее во время оно требовали к прошению о сыне, которого торопились внести в дворянскую книгу, для справки по случаю определения на учебу или службу или для награждения. Однажды, получив такую справку, уехал из Рамзая в Петербург 13-летний Михайла, чтобы поступить канцеляристом в казначейство. Двадцати трех лет он записался офицером в Петербургское ополчение и дрался с французами в 1812, 1813, 1814 годах — у Полоцка, под Смоленском и Ланцигом. Был ранен в ногу и, вернувшись с войны, видимо, последний раз пожил немного в Рамзее. А потом опять взялся за труды, оставившие след в русской культуре. Сначала в Императорской публичной библиотеке, только что основанной, где он составил каталог русских книг. Потом в Москве, где восстанавливал разваленное войной театральное дело.

В ту пору он особенно много сочинял, много представляет публике, приглашает Щепкина играть в его пьесах. И расцвет этого великого актера совпадает

там в 1902 году, в день 50-летия со дня смерти писателя. Бабушке моей тогда было четыре годика. «Пензенские губернские новости» несколько дней сообщали о юбилее. А в семнадцатом году Любовь Сергеевна Протасьева - Загоскину, свидетельнице того юбилея и последнюю из Загоскиных в Рамзее, заставили обуть лапти, просить прощения и низко кланяться всему местному люду. Только этим она и запомнилась здешнему жителю деду Ивану Металину. Его дом самым ближним был к усадьбе. И сейчас там бы был, да усадьбы нет.

В роще над селом, где прежде красовалась усадьба, нашел я остатки фундамента. Дом раскатали в прошлом году. Переселили стариков и продали под сарай, не дожидаясь юбилея. А то, не дай бог, выйдет воля народная охранять его... Со слезами переезжали отсюда старики. С тех пор совсем без пристрастия роща. По ночам рубят дубы и клены на изгороди для новых домов. Сам видел растерзанные пни. Зарос бурьяном памятник писателю посреди рощи. Едва выглядывает из-за развалин. С порубками сохнут ключи, мелеют колодцы. А рек озера тут нет, одна земля кормила и поила. Что будет, про то — тяжкий вздох.

В библиотеке — дети.

— Читали «Юрия Милославского»?

— На руках он.

— Одна книжка на все село, как же прочтешь, жди...

Трудами учителей и почитателей по строчке да по слову собрано два альбома. Это вроде небольшого музея. В альбо-